

Дядя Саша

Быль

Я РАССКАЖУ о Епове Александре Васильевиче, 1911 года рождения, беспартийном, рядовом участнике Великой Отечественной войны, жителе бывшей деревни Бузда, Ленского района. Архангельской области.

...Он не брал в «языки» вражеских генералов, не сбивал тараном самолетов и даже не участвовал в знаменитых стратегических операциях, хотя всю войну крутился в военной «мясорубке». Природа создала его пахать землю, ухаживать за скотом, растить детей. В праздники он, как сам говорил, любил выпить «для веселья», «покуражиться» по деревне.

В начале коллективизации их семью не взяли в колхоз: мать уже умерла, отец тяжело болел, а с них, троих детей-подростков, проку мало. Но как-то перебивались картошкой, грибами, ягодами. Потом в колхоз все же приняли, забрав, естественно, единственную лошадь, телку, небогатый «нажиток», не дав взамен ничего.

Чтобы выжить, Саша устроился в леспромхоз трелевать лес на лошадке. Наваливал сам, побольше, лишь бы увезла коняга. Хотелось

заработать, придется.

Но от заработка, после вычета налогов и уплаты поборов, оставались крохи. Доходило до того, что когда ставил зимой просушить валенки, выбегать в мороз «до ветру» приходилось босиком. В запасе не было ни обуви, ни одежды.

Когда друзья-одногодки собирались в село к «девкам» на посиделки, он с худеньким отцовским ружьишком уходил в лес. Так и не женился. Потом началась война, и его призвали защищать Отечество, которое было для него не добрей злой мачехи...

В ПЕРВОМ же бою их часть: плоховооруженную, полунедетую, необученную разгромили в заснеженных лесах финского фронта.

Раненый в обе ноги, он забился под сваленную снарядом елку и остался жив, но ноги в ботинках отморозил. Если б он вылез сразу после боя, его бы убили.

На третий день началась гангрена. Дядю Сашу мучила жажда. Снег, который он лизал, жажда не утоляла. Тогда он решил, лежа на боку, развести костерок

и растопить снег в котелке.

По дымку его, окоченевшего и потерявшего сознание от потери крови, нашли финские солдаты. Они не пристрелили его, а отнесли к врачам. Так и оказался дядя Саша во вражеском плену. Обе ноги отрезали выше колен. Далее пошли госпитали, лагеря для пленных, а весной 45-го года репатриация на Родину. Путь этот тоже был долог и тяжел.

В родной деревне отца в живых уже не было. В доме жила старшая сестра, на иждивении которой находилась младшая, Софья, инвалид с детства. Добавился к ней и безногий брат.

Бесспорно, можно было заняться извечным промыслом российских калек: оголить культы, сесть у магазина и собирать милостыню в фуражку. Набрал на бутылку, напился, тут же свалился и забылся.

Н О ОН решил жить как все. Да и сестрам нужен мужчина, хозяин в доме. Завели овец, расплодили кроликов. Скоту на зиму требовалось сено, и он наравне с сестрами начал косить, ворошить, метать. Вы спросите: «Как?!» А вот сядьте на пол, возьмите в руки косу и попробуйте...

Глинобитная русская печь в доме была жарка и просторна. Она варила, отогревала, лечила от хворей, но требовала дров.

Старшая сестра работала в колхозе дояркой и по пути на ферму срубала 2-3 нетолстых сушины, благо, лес находился вблизи дома. Младшая же с братом обрубали сучья, разрезали ствол пилой-двуручкой на чурки и зимой на санках, летом волоком таскали к дому. Постепенно Саша научился все делать сам, «без баб», как он говорил.

Однажды он вовремя не вернулся домой из леса. Сестры пошли искать, и нашли брата придавленным неудачно упавшим деревом, которое он срубил. Но обошлось без нового увечья: ему «везло» в жизни...

«Здоровая» сестра вскоре умирает с одеревеневшими от ручной дойки руками и с так и не поставленным диагнозом. Остались два инвалида одни. «А жить-то надо!» - говорили они.

На послевоенную советскую пенсию обыкновенный человек, тем более бывший колхозник, выжить не мог. Даже теоретически. А они жили. И если кого-то раздражает стариковская прижимистость, «жадность», пусть попробует прожить на те деньги хотя бы

«арифметически». И станет ясно, что выжить мог лишь душевно стойкий, жизнелюбивый, в труде двухликий и выносливый и... сверхбережливый. Переживший те годы уже никогда не выбросит корку хлеба, не потратит, не обдумавши, и копейки.

Но партийным «мудрецам» снова не нравилась крестьянская жизнь, начались «укрупнения» колхозов, и деревня дяди Саши попала в «неперспективные». Закрыли «лавку» с продуктами, отключили электричество, после чего люди разбрелись и устроились кто куда.

П РИШЛОСЬ и шестидесятилетним инвалидам переселяться в райцентр, в «казенную» квартиру в деревнянный дом. С переездом они жили бесплатно, дров, огорода, имевшейся живности. К таким квартирам даже сараев для дров не строили. Экономили.

- На все нужна «копейка», - вздыхали, но не жаловались старики. И жили на копейки. Это уж в последние годы полегче стало.

Заботилось ли о своем защитнике-ветеране наше государство? Безусловно! Ему, как и всем, «набавляли пенсию», по торжественным датам вручали юбилейные медали, к праздникам «отоваривали» продуктовыми наборами. Но за 22 года, что он прожил в коммунальной квартире, в ней не делалось даже «косметического» ремонта! Обвалилась штукатурка с потолка. После сделанного за свой счет ремонта печи, она стояла небеленой. Закопченная кухня выглядела страшной кормокухни в ином свинарнике. Старики по складу характера не умели и не желали унижаться: просить, требовать, а совесть власть имущих не беспокоила. Зато «квартплату» брали исправно.

Да, ему предлагали «частично благоустроенное» жилье, или «каменный гроб», как он говорил. Но он не соглашался вновь переезжать с обжитого места. Нетрудно было догадаться, что оставить, «бросить» привезенные из деревни и бережно хранимые корзины, санки, бочки, косы и прочий инвентарь, свыше сил и понимания хозяина-крестьянина...

- А вдруг власть переменится, и опять погонят в деревню? Как без инструмента? Пропадать? Нет, не пойду. Здесь буду доживать, - не соглашался он. Может, потому и дожил до 83-х лет.

Все годы, живя в многоквартирном доме, он, наравне со здоровыми жильцами зимой чистил дощатый тротуар от снега, пере-

калывал помельче дрова, мыл дома полы, посуду. Сам изготовил и ремонтировал низенькую площадку на подшпипниках, на которой перемещался по улице, отталкиваясь руками. Дома прыгал на обшитою кожей подушке.

На большой ручной коляске, которую выдало государство, дядя Саша ездил в баню, на рыбалку, в гости к друзьям. Ему помогала Софья или сельские ребятишки. Старик никогда не унывал и не сидел без дела.

Лишь один раз плакал в голос и причитал от обиды: «Я за свою жизнь чужой шепки не взял, а у меня кто-то дрова ворует...» (Находились и такие подонки)

Это расстройство сильно укоротило его жизнь. Перед тем, как слечь совсем, он успел сказать сестре: «Меня парализует...» И замолчал...

Жизнь слишком крепко дружила с дядей Сашей, чтобы отпустить легко, сразу: сердце билось, глаза видели, сознание сохранилось, а говорить и двигаться почти не мог.

И он обиделся на такой несправедливый конец, не захотел жить беспомощным, безгласым, обузой для всех.

Дядя Саша, как мог, противился лечению, кормлению: стискивал зубы, выталкивал языком ложку, срывал капельницу.

Над ним плакали сестра и медработники, уговаривали, пытались кормить насильно, и тогда он отворачивался от «мучителей» и беззвучно плакал сам...

Он не уступил, не смирился. И добился своего...

И ВОТ я сижу у его гроба его последнюю мирскую ночь. В комнате тихо. Обессилевшая от горя и хлопот Софья, которая скончается вскоре после смерти брата, дремлет в спальне. Чуть слышно шуршат оголодавшие тараканы. Безбоязненно шмыгают из зала в кухню мыши. Дядя Саша молчит. Молчу и я. Вспоминаю и пишу о его жизни. Иногда смотрю на его чистое строгое лицо и мысленно разговариваю с ним, спрашиваю, о чем забыл. Он молча отвечает...

Я не боюсь его. Я понимаю его. Я не осуждаю его. Я преклоняюсь перед этим человеком: не всякому дано прожить столь трудную и долгую жизнь и не сломаться, не согнуться перед ней.

Он жил и умер настоящим мужчиной, и пусть родная земля ему будет пухом.